

Шоу Бернард

26.07.06

Шоу

Известия - 2006 - 26 июля  
- с. 10

## продолжается

Сегодня исполняется 150 лет со дня рождения Бернарда Шоу, драматурга, публициста, остроумца, парадоксалиста, борца за права человечества и обязанности людей.

**МАРИНА ДАВЫДОВА**

Экзаменационные вопросы по творчеству Бернарда Шоу всегда были для студентов-театроведов чистым наказанием. Во-первых, Шоу прожил длинную (1856—1950) жизнь и успел написать очень много разных произведений. Во-вторых, пьесы его, особенно поздние, — громоздки, многословны и в сюжетном смысле не сказать что увлекательны. Но главное — пьесы Шоу представляют редкую для русской театральной эстетики и вообще для русской культуры разновидность театра идей. Причем идей по преимуществу социальных. О положении женщины, о положении рабочего класса, о войне и мире, о том, как государство богатеет и чем живет, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет. Все это казалось скучным. Разве для этого существуют сцена и искусство? Да еще на рубеже веков, когда вокруг пыльным цветом цветут модернизм, эстетизм и дендизм еще не канул в Лету. Шоу всем своим творчеством настаивал — для этого.

Он начал как неудачливый романист (из пяти толстых романов ни один не остался в истории литературы), а продолжил как удачливый журналист. И драмы, которые он стал писать уже после рецензий и статей, были логичным продолжением его журналистики-публицистики. Шоу попытался доказать, что интерес в пьесе могут представлять не интрига и сюжет, а идеи как таковые. Его герои, конечно, не сидят на месте, а ходят туда-сюда, влюбляются, ревнуют, разоряются, изменяют женам, но все это нужно лишь для того, чтобы в какой-то момент предоставить им слово в ходе стихийно возникших общественных прений.

Даже самая известная, ставленная-переставленная, превращенная в мюзикл пьеса «Пигмалион» в оригинальном своем виде есть не что иное, как драма идей, наилучшим способом упакованная в историю о встрече социально чуждых мужчины и женщины. Шоу потратил немало слов и общественного темперамента, чтобы раз-

веять у читателей всякую надежду на брак Хиггинса и Элизы Дулиттл. Он беспокоился, что упаковку пьесы примут за ее суть. (Кстати, правильно беспокоился: об идеях все давно позабыли, а сюжет оказался бесмертным.) Что уж говорить о таких его пьесах, как «Женева», «Человек и сверхчеловек», или совсем ранних — «Дома вдовца» или «Профессия миссис Уоррен». Это дискуссионный клуб чистой воды.

Шоу был социалистом, фабианцем, горячо приветствовал революцию в России, приезжал в СССР и наивно поверил в реальность потемкинских деревень сталинского образца. В общем, он был типичный европейский левак со всем вытекающим из этого опасным идеализмом: когда ему говорили о голоде в России, он уверял, что никакого голода нет, потому что его там кормили черной икрой. Но пьесы его не есть просто рупор его идей. Они — именно дискуссионный клуб. Шоу умеет создать обстановку полемики. На всякий аргумент найти контраргумент. Всякий тезис подвергнуть сомнению. Он не просто драматург, он еще искусный модератор. Я собрал вас, господа, чтобы вы обсудили следующие проблемы...

Традиция, созданная Шоу, получила свое продолжение, во-первых, в виде бесконечных телевизионных ток-шоу. Во-вторых, в феномене так называемой court drama, пережившей подлинный расцвет в американском кино XX века. Там ведь существует немыслимое количество фильмов, действие которых происходит в суде. Адвокаты и прокуроры, свидетели обвинения и свидетели защиты, судьи и подсудимые борются за свое видение ситуации. Но самое удивительное, что драма идей не умерла и в самом европейском театре. У нас, не считая нескольких лет перестройки, она мертва. Так же как не наполнено никаким смыслом для русского кинематографа понятие court drama.

Там, на Западе, родине гражданского общества, Шоу еще продолжается. У нас, в стране вялотекущего консенсуса и смехотворного парламентаризма, он никогда по большому счету и не начинался.

5